РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

На правах рукописи

АСТАПОВА АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА

СОВРЕМЕННЫЙ СТУДЕНЧЕСКИЙ АНЕКДОТ:
сюжетный состав и тематические особенности

Специальность 10.01.09 – Фольклористика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург
2016

Работа выполнена в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук **Александр Александрович Панченко**

Официальные оппоненты:
доктор филологических наук, член-корреспондент Российской академии наук **Топорков Андрей Львович**
кандидат искусствоведения, доцент
Лурье Михаил Лазаревич

Ведущая организация:
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)

Защита диссертации состоится «____» ________ 2016 г. в _________часов на заседании диссертационного совета Д.002.208.01 при Институте русской литературы по адресу: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на официальном сайте Института русской литературы (Пушкинский Дом).

Автореферат разослан «____» ________ 20 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
Кандидат филологических наук С.А. Семячко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В отличие от зарубежной науки, последовательное изучение анекдотов в России началось сравнительно недавно: лишь в 1990-е годы с анализа различных тематических циклов. Активному изучению подверглись, например, кинозависимые или детские анекдоты, тогда как исследователи практически полностью проигнорировали феномен студенческого анекдота. Сложным оказывается уже обозначение границ его бытования и особенностей происхождения. Многие, на первый взгляд, «студенческие» сюжеты восходят к анекдотам, не имеющим никакого отношения к данной субкультуре. В то же время существуют сугубо студенческие анекдоты, которые не имеют аналогов среди анекдотов других тематических циклов. Такая ситуация побудила меня провести целенаправленный анализ не только тематических особенностей студенческого анекдота, но его интертекстуальных связей.

Объектом данного исследования является современный студенческий анекдот. **Предмет** исследования – корпус студенческих анекдотов, собранных в процессе устных интервью, из книжных сборников и Интернета. **Верхняя временная граница исследования –** 2003 год, когда данная диссертация начиналась как курсовая работа и, соответственно, начался сбор материала. Материал собирался до 2012 года (включительно).

Цель настоящего исследования состоит в установлении генетических связей современного студенческого анекдота, определении его характерных черт, а также особенностей тематики и функционирования. В диссертации предполагается решение следующих **исследовательских задач:**

1. выявить основные результаты изучения современного анекдота российскими и зарубежными исследователями, определить их значение для исследования современного студенческого анекдота, проверить некоторые гипотезы, выдвинутые в существующих на сегодняшний день работах, на материале студенческих анекдотов;
2. собрать и систематизировать коллекцию студенческих анекдотов, пользуясь различными источниками;
3. разработать принципы систематизации сюжетов студенческих анекдотов и сформировать на их основе указатель сюжетов;

4. разработать методологические подходы к анализу анекдотов и их источников;
5. собрать корпус материала для выявления генетических связей современного анекдота, определить основные уровни и степень связи студенческого анекдота с другими текстами;
6. на основе собранных текстов и составленного из них указателя обозначить место современного студенческого анекдота в системе фольклорных и литературных жанров, его происхождение и особенности бытования, определить похожие или сопутствующие жанры (например, другие фольклорные жанры студенческой субкультуры), подвергнуть анализу возможную преемственность традиций и точки их соприкосновения;
7. изучить тематические особенности студенческого анекдота, проследить возможные сюжетные аналогии, своеобразие типичных конфликтов и героев;
8. установить социальные функции явления, проанализировать его как часть культуры (субкультуры), дискурса, как выражение этнических и гендерных стереотипов, как феномен функционирования социальных групп; определить связь студенческих анекдотов и фольклора некоторых других социальных групп.

Методология исследования предполагает интегрирующий анализ, учитывающий структурный, сравнительный и интертекстуальный аспекты изучения анекдота.

. Существующие подходы к изучению анекдота обсуждаются в отдельной главе данной диссертации, после написания которой я смогла определиться с **теоретической и методологической базой,** выбрав направления, подходящие для исследования предмета с различных сторон. Так, методологическим ориентиром для составления указателя сюжетов и систематизированного собрания анекдотов, а также для их дальнейшего сравнения с текстами других жанров и анекдотами других циклов послужили работы финской сравнительно-исторической школы, указатели анекдотов Г. Легмана, С.Банка и А. Дандеса, А. Крикманна, А.А. Архиповой и М.М. Мельниченко, а также опыты статистического исследования анекдотов, проведенные тремя последними авторами. Безусловно, я приняла во

внимание другие известные работы об анекдоте: Э. Оринга, В. Раскина, К. Дэвиса, Л. Лаинесте, М.Д. Алексеевского и многих других. С другой стороны, для рассмотрения тематических особенностей анекдота в рамках социального контекста студенческой субкультуры, я обратилась к более широкому кругу работ социальных антропологов и философов (В. Тэрнер, А. ван Геннеп, М. Фуко, П. Радин, и т. д.), а также фольклористов и социологов, занимающихся исследованиями субкультур (К.Э. Шумов, М.Г. Матлин, В.В. Головин, М.Л. Лурье, Е.В. Кулешов, С.Б. Адоньева и др.) и анализом непосредственно студенческой субкультуры (С. Броннер, М.М. Красиков, Н.Г. Урванцева, А.А. Ситнова и другие).

На защиту выносятся следующие положения:

1. студенческие анекдоты группируются в цикл не просто как тексты вокруг схожей темы, а благодаря тому, что они взаимодействуют со студенческой субкультурой (детерминируемой лиминальностью и дисциплиной);
2. поэтому эти анекдоты слабо связаны с другими анекдотическими циклами, фольклорными и литературными текстами, а их «исторические корни» не уходят в далекое прошлое.

Научная новизна диссертации:

1. в работе проведен обзор зарубежных и российских исследований жанра;
2. впервые представлен целостный анализ непосредственно студенческих анекдотов;
3. определены интертекстуальные связи современного студенческого анекдота;
4. в диссертации впервые появляется сюжетный указатель и систематизированное собрание студенческих анекдотов;
5. историографический анализ в работе проведен не просто с целью знакомства с существующими исследованиями: многие гипотезы ученых по поводу анекдотов, выдвигавшиеся как теоретические и являвшиеся предметом многочисленных научных споров, прошли практическую проверку в рамках данной диссертации на материале студенческого юмора.

Цели и задачи работы обусловили ее структуру: диссертационное исследование состоит из введения, заключения и трех глав: глава I «Анекдот и студенческий юмор в русских и зарубежных публикациях и исследованиях», глава II «Сюжетный фонд студенческого анекдота и способы трансмиссии текстов»,

глава III «Социальный контекст студенческой субкультуры и тематические особенности анекдота». Также в состав диссертационного исследования входят три приложения: приложение I «Указатель сюжетов и систематизированное собрание современных студенческих анекдотов», приложение II «Книжные анекдоты на студенческую тематику», приложение III «Студенческий фольклор XIX – начала XX века»,

Положения диссертации, выносимые на защиту, прошли **апробацию** на следующих научных конференциях:

1. III Международная научно-практическая конференция «Фольклор и современная культура», Минск, 2011.
2. Noorte hääled («Молодые голоса»), Тарту, 2011.
3. Summer humor school («Летняя школа по исследованию юмора»), Тарту, 2011.
4. American Folklore Society Annual meeting («Ежегодная встреча американской фольклорной ассоциации»), Блумингтон, 2011.
5. Centre of Excellence in Cultural Theory («Центр совершенства в культурной теории»), Тарту, 2011.
6. First-Person writing, four-way reading («Письмо от первого лица – четыре способа чтения»), Лондон, 2011.
7. Фольклор XXI века: Герои нашего времени, Москва, 2011.
8. Международная школа-конференция «Антропология и фольклористика сегодня», Москва, 2012.
9. Visual Encounters with Alterity («Визуальные встречи с иными»), Будапешт, 2012.
10. International Society for Humor Study Conference («Конференция международной организации по изучению юмора Краков»), 2012.
11. Summer Humor School («Лентяя школа по изучению юмора»), Савонлинна, 2012.
12. Belief Narrative Network Symposium («Симпозиум по изучению нарративов о верованиях»), Нови Сад, 2012.
13. Workshop «Alternative discourses of belief» («Альтернативные дискурсы верований»), Тарту, 2012.

14. *American Folklore Society Annual meeting* («Ежегодная встреча американской фольклорной ассоциации»). Провиденс, 2013.
15. Société Internationale d´Ethnologie et de Folklore meeting («Встреча международного этнологического и фольклорного общества»), Тарту, 2013.
16. 16th Congress of International Society for Folk Narrative Research («16-й конгресс международного общества по изучению фольклорного нарратива»), Вильнюс, 2013.
17. Canadian Folklore Association Annual Meeting («Ежегодная встреча канадской фольклорной ассоциации»), Корнер Брук, 2013.
18. 3rd International Conference of Young Folklorists («3-я Международная конференция молодых фольклористов»), Тарту, 2013.
19. Международная школа по фольклористике и антропологии «Вербальное и Визуальное в народной культуре», Переславль-Залесский, 2013.
20. LIII Региональная археолого-этнографическая конференция студентов «Археология, этнология и антропология», Владивосток, 2013.
21. Genres of Belief from Folkloristic Perspective: An International Workshop («Жанры верований с точки зрения фольклористики: международный мастер-класс»), Индия, Майонг, 2013.

Доклад, сделанный на Summer Humor School в Савонлинне в 2012 году, основанный на II главе данной диссертации, получил премию как лучший доклад на конференции.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность работы, описана степень разработанности проблемы, сформулированы цели и задачи исследования.

Первая глава диссертации **«Анекдот и студенческий юмор в русских и зарубежных публикациях и исследованиях»** посвящена анализу основных научных направлений в изучении жанра анекдота в целом и немногочисленных исследований студенческого анекдота в частности. Глава начинается с *§ 1.1 «Терминологические замечания»,* который посвящен рассмотрению термина *анекдот* не только в русскоязычных исследованиях, но также в зарубежных работах на других языках, на которых чаще пишут о жанре. Оказывается, что в русском языке, в отличие от английского, финского, немецкого, эстонского, термин *анекдот* омонимичен, отсюда возникает путаница при его исследовании. Я предлагаю различать *книжный*[1] и *фольклорный* анекдот, соответствующие английским *anecdote* и *joke,* памятуя, однако, о том, что характеристики, заложенные в этих терминах взаимозаменяемы и -изменяемы: одна не исключает другую. Для *фольклорного* анекдота, являющегося объектом изучения данной диссертации характерна (но не обязательна) вымышленная ситуация и необходима смешная концовка; герои фольклорного анекдота либо безымянны, либо носят стандартные имена, они не являются известными лицами. *Книжный* анекдот является повествованием о необычном случае из жизни конкретного известного лица. В данных категориях я не предлагаю теоретико-научной инновации и буду использовать их для удобства, понимая их условность. Как будет показано в дальнейших главах, образцы текстов, которые я предлагаю относить к фольклорным или книжным, используют идентичные сюжеты. Достаточно помнить о том что, несмотря на греческое происхождение, термин «анекдот» все-таки закрепился в русском языке через французский, в котором анекдот – это краткий рассказ об интересном случае. В свою очередь, в переводе с греческого анекдот - это «неизданное» (греч. Ανέκδοτον). Первые следы употребления этого слова, как термина, мы находим в Византии. «Тайная История» византийского историка 6-го века Прокопия, содержащая ряд интимных рассказов о царствовании Юстиниана, вскоре стала известна под названием «анекдотов». Это применение

[1] Данный термин, однако, не означает, что названное явление существует лишь в книжной среде: как известно, такой анекдот широко функционирует и в устном общении.

термина к историческому рассказу, передающему какую-нибудь интимную страницу биографии исторического лица, яркий эпизод, острое изречение и т. п., стало традиционным и сохранилось до сей поры[2].

Кроме того, я предлагаю использовать термин *панчлайн* вместо так и не закрепившегося в русской фольклористике термина *пуант* для определения заключительной и одновременно кульминационной части анекдота, которая и делает его смешным.

В *§ 1.2* дана краткая история отечественных *«Публикаций анекдотов»,* начиная с XVIII века. Несмотря на наличие сборников, отдельно посвященных только фольклорным или только книжным анекдотам, во многих публикациях два жанра были совершенно перемешаны. Ситуация кардинально изменилась к началу XX века, когда судьба публикаций фольклорных и книжных анекдотов пошла различными путями. Важным этапом для публикации фольклорных анекдотов явилась революция 1905 года, после которой возникло беспрецедентное для России количество сатирических газет и журналов, а также 1917 год – время между двумя переворотами – когда партии яростно сражались между собой, в том числе, с помощью сатиры, на страницах периодических изданий. Однако в 1923 – 1930 года антисоветский анекдот перешел на нелегальное положение, став одним из видов антисталинской пропаганды: фольклорные анекдоты активно печатались лишь в оппозиционных изданиях, публикующихся за рубежом. В самом СССР анекдоты издавались очень редко, иногда заимствовались из зарубежной юмористической прессы[3]. Современная история публикаций анекдотов начинается лишь со второй половины 80-х годов прошлого столетия с особенным размахом. В 1990 году появились собственно сборники анекдотов, публиковавшиеся с развлекательной целью. После долгого застоя особенно актуальным представлялось издание анекдотов политических, посвященных критике коммунистического режима, а также анекдотов сексуальных и эротических. Дальнейший этап публикации анекдотов в развлекательных сборниках характеризовался коммерциализацией и неупорядоченностью. Кроме того, со второй половины 1990-х гг. ситуация

---

[2] Петровский 1925 – Петровский М. Анекдот // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. — М.; Л. : Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. – Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-0521.htm, свободный. – Загл. с экрана.

[3] Подробнее в Архипова А.С., Мельниченко М.А. Тексты, комментарии, исследования / А.С. Архипова, М.А. Мельниченко. – М. : ОГИ, 2010.

усложнилась тем, что анекдоты проникли в Интернет, где быстро обрели огромную популярность, что значительно уменьшило выпуск и продажу бумажных сборников. Распространение анекдотов в Интернете оказало огромное влияние на развитие жанра, о чем свидетельствуют многочисленные работы фольклористов, в том числе, и по поиску методологии изучения анекдота в Интернете. Что касается профессиональных публикаций анекдотов, выпущенных фольклористами, мне известна лишь одна монография, содержащая анекдоты о Сталине из архивных источников с указателем сюжетов, который построен по тематическому принципу[4]. В остальных случаях это публикации в рамках научных статей. Таким образом, на сегодняшний день публикации анекдотов можно поделить на три вида: публикации в Интернете, любительские публикации на бумажных носителях (развлекательного характера) и профессиональные публикации.

§ 1. 3. «Изучение фольклорного анекдота» начинается с перечисления основных теорий комического, оказавших влияние на изучение анекдота: теории превосходства (А. Бергсон и др.), психоаналитической теории (З. Фрейд, А.Дандес и др.), теории несоответствия (А. Кестлер, В. Раскин, С. Аттардо и др.).

В зарубежной фольклористике самым влиятельным стал, пожалуй, психоаналитический подход (тогда как в лингвистике – скорее теория несоответствия), наиболее разработанный Аланом Дандесом. Автор видит функции анекдотов в выплеске эмоций, обсуждении табуированных тем, отражении травм и даже Эдипова комплекса[5]. Психоаналитическая теория так или иначе проявляется в большинстве зарубежных работ об анекдоте (кроме некоторых, например, лингвистических теорий). Не лишены психоаналитических интерпретаций и гендерные исследования юмора, изначально связанные с движением за права женщин в США и рассматривающие различные интерпретации юмора мужчинами и женщинами, а также разницу в юмористическом репертуаре для обоих полов.

Социологические интерпретации анекдотов более всего связаны с политическими, этническими и «актуальными» анекдотами. Политический анекдот чаще рассматривается через призму его «тоталитарности» (больше всего внимания уделяется социалистическим анекдотам), как способ свыкнуться с режимом и

---

[4] Там же.

[5] Русский перевод некоторых работ автора: Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ : Сборник статей / А.Дандес ; пер. с англ. А.С. Архиповой и др. – М.: Восточная литература, 2003.

утвердить идентичность в рамках «системы», а также разоблачить ее; анализируется рефлексивность подобного типа анекдота (в том числе, советского). С политическими анекдотами также связаны «актуальные» (topical jokes) – отклики на конкретные события, которые связывают со многими другими жанрами (например, жестокими шутками) с точки зрения структуры и часто объясняют, обращаясь к работам Фрейда (они позволяют рассказчикам и слушателям выплеснуть энергию, ассоциирующуюся с происшествием, посредством игнорирования моральных ограничений и табу).

Изучение этнических анекдотов оказывается во многом основанным на теории превосходства; «расцвет» их изучения связан с критикой расизма в США. Соответственно, работы часто посвящены основным группам иммигрантов; кроме того, значительное внимание уделяется еврейскому анекдоту. Большинство работ об этнических анекдотах строится на поисках исторических, социальных, религиозных причин появления таких текстов. В противовес этим работам К. Дэвис предлагает теорию происхождения анекдотов о представителях других национальностей, согласно которой этнические анекдоты не свидетельствуют ни о вражде между соответствующими этносами, ни об отсутствии таковой; все они более или менее укладываются в два универсальных типа анекдотов о представителях другого народа: о «дураках» и о «хитрецах», существующих в парадигме хитрецы – нормальные люди (они же рассказчики анекдотов) – дураки[6].

В зарубежных работах фольклористов существует несколько попыток составления указателей анекдотов, которые в целом можно разделить на систематизации внутри указателей сказочных сюжетов и мотивов и мотивно-сюжетные классификации вне указателей сказок, структурные (основанные на формальной стороне анекдотов), и частотные классификации (основанные на степени распространенности анекдота, особенно в Интернете). Исследователи также часто рассматривают различные проблемы функционирования анекдотов: роль юмора в различных социальных группах, рассказывание анекдотов как способ установления межличностных взаимоотношений или поведенческих норм, а также бытование анекдота в Интернете (существует дискуссия о том, релевантно

---

[6] См. в Davies C. Ethnic jokes, moral values and social boundaries // The British journal of sociology. – 1982. – Vol. 33 – 3. – P. 383–403, P. 385; Ethnic humor around the world : A comparative analysis. – Bloomington : Indiana UP, 1990, P. 11 – 12 и т. д.

ли изучение анекдота – как и многих других фольклорных жанров – в Интернете, а также некоторые работы по поиску методологии такого изучения).

Таким образом, изучение анекдота в западной фольклористке во многом базируется на основах, заложенных З. Фрейдом (что также породило множество наивных исследований); работы американских и европейских ученых, в основном, сконцентрированы на функционировании жанра, на его контексте. Значительную роль играет также гендерный подход и социологические интерпретации.

Начало отечественного изучения анекдотов было положено трудами филологов XIX века, что обусловило отношение к анекдоту как к тексту (в отличие от зарубежного подхода). Точка зрения А.Н. Пыпина, считавшего, что дидактика уступает место развлекательности и серьезный анекдот (хотя здесь он скорее имеет в виду притчи и нравоучительные рассказы) вытесняется анекдотом комическим[7], оказала воздействие и на некоторые современные работы, утверждающие происхождение фольклорного анекдота из книжного[8]. Одним из поставил вопрос об анекдоте как о самостоятельном и своеобразном жанре А.П. Пельтцер, тем не менее, связав его со сказкой общностью тем и персонажей[9]. Эта и большинство работ, написанных в XX веке, были посвящены определению генезиса анекдота – его связям с другими жанрами, о которых существовали более разработанные исследования, например, с притчей[10]. Позже основной стала дискуссия о возможном генезисе сказки из анекдота, своеобразным итогом которой стали работы Е.М. Мелетинского: в рамках его эволюционистской концепции фольклорных жанров социально-бытовая сказка оказалась «предковой формой» анекдота[11]. До этого намечались и другие подходы: формалистский (В. Шкловский, одним из первых обратившийся к советским анекдотам, объясняет их появление не особенно враждебным отношением к власти, а тем, что новые явления жизни и

[7] Пыпин А.Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских / Отдельные оттиски из IV-й книги Ученых Записок, Издаваемых Вторым Отделением Императорской Академии Наук. – СПб. : В типографии Императорской Академии Наук, 1857.

[8] Химик В.В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры // Анекдот как феномен культуры : материалы Круглого стола, 16 ноября 2002 г., Санкт-Петербург / отв. ред.: М.С. Каган, Е.Г. Соколов. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С.17–31.

[9] Пельтцер А. П. Происхождение анекдотов в русской народной словесности // Сборник харьковского историко-филологического общества. – Харьков. – 1899. – Т. 11. – С. 57–118.

[10] Потебня А.А. Из лекций по теории словесности: Басня. Пословица. Поговорка // Потебня А.А. Теоретическая поэтика [Сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.Б. Муратов]. – М. : Высшая школа, 1990. – С.90–97.

[11] Мелетинский Е.М. Сказка-анекдот в системе фольклорных жанров // Учебный материал по теории литературы. Жанры словесного творчества. Анекдот / сост. А.Ф. Белоусов. – Таллин : Таллинский педагогический институт, 1989. – С. 318–333, С. 69.

противоречия быта осознаются, как комические[12]), социологический (В. Перцов понимает анекдот как «отраженное явление нездоровья отдельных участников переходного периода»[13]).

Новый (современный) этап изучения анекдота в советской науке был ознаменован выпуском сборника «Жанры словесного текста. Анекдот», составленного А.Ф. Белоусовым[14]; эта публикация стала своеобразным «прорывом» и обусловила дальнейший бум исследований анекдота. Самыми изученными оказались различные типы и циклы анекдотов: кинозависимые, детские, подростковые и «псевдодетские», политические, (работы А.Ф. Белоусова, А.С. Архиповой, Е.В. Душечкиной, В.Ф. Лурье, М.Л. Лурье, М.Д. Алексеевский). Анекдот также рассматривается отечественными лингвистами – в рамках изучения языковой игры (работы В.В. Санникова, Н.Б. Норманна, Н.Д. Арутюновой); в отличие от них книга лингвистов Е.Я. Шмелевой, А.Д. Шмелева сосредоточена только на анекдоте как речевом жанре, на особенностях его языкового оформления[15]. Исследователи редко касаются вопросов о границах циклов, остается открытым вопрос о миграции сюжетов, о вариантах одного и того же сюжета в разных циклах. Несмотря на многочисленные рассуждения о генезисе фольклорного анекдота из книжного или из сказки, никто из ученых, за исключением А.С. Архиповой и М.А.Мельниченко[16], не попытался определить на основании конкретного корпуса текстов, какие из них действительно произошли из сказки, шванка или из книжного анекдота, хотя подобное эмпирическое исследование было бы гораздо красноречивее теоретических рассуждений.

Что касается исследований отечественных и зарубежных исследований современного анекдота (*§ 1. 4. «Исследования современного студенческого юмора и анекдота»*), насколько мне известно, цикл никогда не рассматривался отдельно, лишь в рамках других студенческих традиций: например, в книге, посвященной фольклору американского кампуса, автор которой в качестве анекдотов описывает

---

[12] Захаревич Е.В. «Должен ли анекдот быть смешным?». Статья В. Шкловского «К теории комического» // Русская литература. – 2007. – №4. – С. 147 – 158.
[13] Перцов В. Анекдот: Опыт социологического анализа // Новый Леф. – 1927. – № 2. – С.41–43.
[14] Учебный материал по теории литературы. Жанры словесного творчества. Анекдот / сост. А.Ф. Белоусов. – Таллин : Таллинский пед. институт, 1989.
[15] Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот : Текст и речевой жанр / Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев. – М. : Яз. славян. культуры : Кошелев, 2002.
[16] Архипова А.С., Мельниченко М.А. Анекдоты о Сталине: Тексты, комментарии, исследования / А.С. Архипова, М.А. Мельниченко. – М. : ОГИ, 2010.

скорее мигрирующие легенды, которые легко трансформируются в истории о других учебных заведениях[17] или в статьях о студенческих традициях[18].

В *§ 1. 5.* сформулированы основные «*Выводы к Главе I*».

Вторая глава «Сюжетный фонд студенческого анекдота и способы трансмиссии текстов» начинается с описания методологии поиска, собирания и упорядочивания студенческих анекдотов (корпуса I), а также текстов, так или иначе связанных со студенческим анекдотом (корпуса II). В *§ 2. 1. «Корпус I. Студенческие анекдоты»* я подробно останавливаюсь на принципах отбора текстов, предлагая эмический принцип: в случае если респондент, администратор сайта или редактор сборника анекдотов считал анекдот студенческим, включая его в соответствующую тематическую рубрику (а респондент рассказывал анекдот в ответ на просьбу рассказать *студенческий* анекдот), я включала его в корпус текстов, составляющих исследование данной диссертации. Источниками материала явились анекдоты, собранные из устных интервью (далее – *УИ,* записано 218 текстов), записанные от студентов или преподавателей в Витебске, а затем в Санкт-Петербурге, реже – в Москве, Минске и других белорусских и российских городах, книжные источники (далее – *КИ,* 534 текста) – сборники анекдотов, а также Интернет-источники (далее – *ИИ,* 1172 текста) – поиск производился в www.google.ru по запросу «студенческие анекдоты» (рассматривались первые 100 ссылок по итогам поиска). Кроме того, когда я получила весь корпус текстов, состоящий также из книжных публикаций и анекдотов из устных источников, я проверила две последние категории, запросив панчлайны из этих анекдотов в поисковиках. Именно поэтому текстов из Интернета также получилось больше всего. Целью было, помимо прочего, определить, является ли сеть Интернет исчерпывающей для изучения студенческого анекдота. Из трех перечисленных типов источников было собрано 1924 текстов, составивших 1413 сюжета или 1332 сюжетных версии. Под *сюжетами* я понимаю устойчивую последовательность *мотивов,* представляющих инвариантную структуру, объединяющую некий набор текстов**.** *Версии* – это разновидности сюжета, в которых при сохранении этой инвариантной структуры заменяются, переставляются некоторые мотивы, либо

[17] Bronner S. Piled higher and deeper: the folklore of student life. – Little Rock: August House Publishers, 1995.

[18] Шумов К.Э. Студенческие традиции // Современный городской фольклор / отв. ред. С.Ю. Неклюдов. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2003. – С. 165–179.

изменяется содержание диалогов. Под *вариантами* (или просто *текстами*) я буду иметь в виду практически идентичные копии версий, тексты, встречающиеся в более чем одном источнике, имеющие минимальные языковые различия: замену имен, отдельных слов, их перестановку и так далее. Студенческим анекдотам в современном бытовании не очень свойственно наличие нескольких версий сюжета (в 1267 случаях из 1413 сюжет имеет лишь одну версию).

Тексты одного и того же сюжета могли встречаться сразу в нескольких источниках (58 сюжетов сразу в трех источниках), но часто – только в одном типе источников (например, более 5% сюжетов – только в УИ). Это свидетельствует о необходимости учитывать различные источники, так как ни один из них по отдельности не является исчерпывающим для изучения анекдота, потому что не содержит всего корпуса сюжетов.

В связи с тем, что основной целью данной диссертации является определение интертекстуальных связей студенческих анекдотов, я выделила корпус текстов, так или иначе связанных со студенческим анекдотом, описанный в *§ 2. 2. «Корпус II. Сравнительные материалы для определения интертекстуальных связей студенческого анекдота»*. Сюда вошли (1) книжные анекдоты из соответствующих сборников, а также мемуаров и международные книжные анекдоты (поиск аналогов среди книжных англоязычных анекдотов осуществлялся по книге «The Faber book of anecdotes»[19]), (2) современные фольклорные анекдоты из других тематических групп из больших сборников анекдотов, а также из устной коммуникации, (3) традиционные сказочные сюжеты и шванки из указателей сказочных сюжетов и сборников шванков и сатирических сказок, (4) студенческие анекдоты XIX и начала XX века из периодики соответствующего времени. Помимо этого, все тексты (вернее, все варианты их панчлайна и его возможные преобразования), были проверены в сети Интернет по поисковику *google* и *googlebooks* для того, чтобы найти их дополнительные версии из других жанровых или тематических групп. Таким образом, был выделен корпус текстов для определения интертекстуальных связей современного студенческого анекдота (1) фольклорные анекдоты из различных циклов, (2) книжные анекдоты, (3) сказочные сюжеты, (4) шванки, (5) малые речевые жанры , (6) тосты, (7) карикатуры. Когда

---

[19] The Faber book of anecdotes / gen. ed. Clifton Fadiman, London-Boston : Faber and Faber, 1985.

тексты обоих корпусов были собраны, я подготовила указатель сюжетов и систематизированное собрание студенческих анекдотов, приведенный в *Приложении I* (подробно о нем в *§ «2. 3. Указатель и систематизированное собрание современных студенческих анекдотов: корпус I и корпус II»*), где приведен полный *корпус I*, а также *корпус II*, инкорпорированный в схему *корпуса I*. По итогам сравнения двух корпусов выяснилось, что интертекстуальные связи студенческого анекдота существуют на трех уровнях (*§ 2. 4. «Типы связей сюжетного фонда студенческого анекдота с анекдотами из других тематических групп и прочими жанрами»*): мотивном, сюжетном и панчлайновом. Так как мотивная связь может характеризовать не только интертекстуальные, но также типологические соответствия в текстах, я подробно остановлюсь на двух однозначно интертекстуальных типах связи – сюжетном и панчлайновом. В *§ 2. 5. «Степень связи сюжетного фонда студенческого анекдота с анекдотами из других тематических групп и прочими жанрами»* я обнаруживаю, что из 1332 сюжетов студенческих анекдотов минимум 185 имеют сюжетные, а 29 – панчлайновые совпадения; относительно общего количества сюжетного фонда студенческого анекдота как минимум 209 сюжетов студенческих анекдотов так или иначе (как минимум одним типом связи – сюжетной или панчлайновой) связаны с анекдотами из других тематических групп или другими жанрами (я говорю «минимум» потому, что, даже несмотря на поиск материала *корпуса II* из многочисленных источников, не могу быть уверена в том, что обладаю полными данными). Студенческий анекдот оказывается достаточно самостоятельным явлением с небольшим количеством интертекстуальных связей. Сюжеты и панчлайны, свойственные одновременно студенческим анекдотам и другим текстам, не являются слишком продуктивными, и, как правило, порождают не более двух версий, одна из которых – студенческий анекдот (из сюжетов студенческих анекдотов, так или иначе связанных с другими текстами, лишь 16,3% (34 анекдота) имеют более одного панчлайнового и/или сюжетного варианта из других текстов корпуса II).

Сюжетные и панчлайновые совпадения имеют тенденцию к группированию: сюжетные совпадения наблюдаются, в основном, с фольклорными анекдотами из других тематических групп, тостами, реже – с книжными анекдотами, а

панчлайновые – с малыми речевыми формами. Более всего студенческий анекдот связан с анекдотами из других тематических групп, в частности, еврейскими, школьными и о Вовочке. Как ни странно, взаимосвязь с медицинским анекдотом менее выражена, чем это могло бы показаться без специальных подсчетов, но относительно небольшого числа совпадений с фольклорными анекдотами из других тематических групп, эта цифра не слишком низкая.

Сюжетная взаимосвязь фольклорного анекдота с фольклорной сказкой, шванком и другими традиционными сюжетами, часто отмечавшаяся исследователями, по крайней мере, на примере студенческого анекдота, является явно преувеличенной (лишь 4 сюжета имеют сказочные соответствия). Также неправдоподобной является теория о происхождении фольклорного анекдота из книжного. Некоторые анекдоты также существуют в форме тостов с заключительным резюме, либо выводом в форме тоста-восклицания «так выпьем же». Наконец, панчлайновая взаимосвязь более всего выражена в отношениях с речевыми жанрами: риторическими вопросами, заголовками и так далее: панчлайн «вырывается» из текста анекдотов и используется в речевых жанрах, либо, наоборот, заимствуется из речевых жанров анекдотом.

Студенческий анекдот, несмотря на наличие устойчивых тем (экзаменов, бедности студента и так далее), вероятнее всего, является весьма гибким и быстро меняющимся явлением. Ни один из студенческих анекдотов конца XIX – начала XX века, собранных в *Приложении 3. Студенческий фольклор XIX – начала XX века* не встретился мне в современном сюжетном фонде.

В *§ 2. 6. «Студенческие анекдоты и современная литература: о некоторых способах трансмиссии»* говорится о более редком способе функционирования анекдотов, обнаруженном в результате поиска анекдотических сюжетов в *googlebooks* – текст анекдота или только его часть (в основном, панчлайн) инкорпорируется в литературное произведение, иногда герои произведения становятся непосредственными действующими лицами анекдота, редко анекдот заимствуется из литературного произведения.

В *§ 2. 7. «Сюжетные связи студенческих анекдотов с англоязычными анекдотами»* отмечается, что как минимум 64 (4,8%) собранных анекдотических сюжетов имеют англоязычные аналоги (через сравнение с анекдотами из

сборников анекдотов и с помощью поиска по первым 100 ссылкам по запросу *college jokes* в *google*). Как минимум 15 анекдотических сюжетов имеют соответствия среди эстонских анекдотов. Это означает, что, несмотря на тенденцию к миграции сюжетов, ее не следует преувеличивать. Однако представляется перспективным сравнение вариантов одного и того же международного сюжета, что доказывается в *§ 2. 7. 1. История одного сюжета.* В *§ 2. 8. Современные студенческие анекдоты и их более ранние варианты* делается попытка сравнения современных текстов с текстами XIX века, однако результаты сравнения свидетельствуют, в основном, лишь о некоторых мотивных совпадениях.

В *§ 2. 9.* делаются *«Выводы к Главе 2».*

Глава 3. «Социальный контекст студенческой субкультуры и тематические особенности анекдота» начинается с *§ 3. 1. «Современный студенческий фольклор: обряды, предписания и другие традиции»,* где выясняется, студенчество является субкультурой переходной или лиминальной, что подтверждается не только ее положением между школьной и «взрослой» или профессиональной субкультурой, но и популярными жанрами и практиками студенческого фольклора: это отдельные ритуалы, использующиеся в обрядах перехода с одной стадии на другую (отсюда обряд инициации, празднование «экватора» и так далее), а также в процессе сессии и экзамена, чаще всего помогающие при сдаче последнего. Безусловно, популярны также и другие жанры – байки, демотиваторы, паремии – однако и они чаще всего связаны с ситуацией экзамена – опять-таки переходной. С другой стороны, выясняется, что переходные моменты тем значительнее, чем дисциплинарнее учебное заведение. Таким образом, в *§ 3. 2. «Лиминальность и дисциплина как детерминанты студенческой субкультуры»* я раскрываю эти понятия в связи со студенческой субкультурой и ее основными текстами. Во-первых, я основываюсь на работах А. Геннепа и В. Тэрнера, посвященных понятию лиминальности и обрядам перехода[20]. Согласно Тэрнеру, общество представляет собой процесс с последовательными фазами чередования структуры (как устойчивого положения) и коммунитас (общения в

[20] Геннеп ван Арнольд. Обряды перехода : Систематическое изучение обрядов / Арнольд ван Геннеп ; пер. с фр. Ю.В.Ивановой, Л.В.Покровской ; послесл. Ю.В.Ивановой]. – М. : Восточная литература РАН, 1999. Тэрнер Виктор. Символ и ритуал. М. : Наука; Главная редакция восточной литературы, 1983.

процессе обряда перехода, лиминальности). На мой взгляд, лиминальность имеет наибольшее значение для студенческого анекдота – самого популярного жанра студенческого фольклора, так как в нем очевидны основные особенности коммунитас: пренебрежение структурными принципами, унижение тех, кто занимает более высокое положение, ритуальное главенство культурных низов, низведение всех на один статусный уровень. Во-вторых, студенческая субкультура основана на дисциплине в том ее понимании, о котором говорил М. Фуко – связанной с распределением индивидов в пространстве, выстраиванием их в иерархическом порядке, отмеченной детализированностью правил, придирчивостью инспекций, надзором над мельчайшими фрагментами жизни[21].

В § 3. 3. «Тематические особенности студенческого анекдота» выясняется, что экзамен как основа дисциплины и высшая точка коммунитас имеет принципиальное значение для формирования студенческого анекдота, являясь главной его темой. Переходным ситуациям (экзамену, поступлению, обучению в аспирантуре, сессии, практике, армии, распределению и так далее) посвящены 42,5% анекдотов, что еще раз подтверждает гипотезу о значении лиминальности для студенческой субкультуры. С другой стороны, второй по популярности ситуацией анекдота становится лекция, и, хотя Фуко считал экзамен основной дисциплинирующей техникой, нельзя отрицать, что лекция также обладает достаточно высоким дисциплинирующим потенциалом. Именно лекция как этап студенческой жизни, чередующийся с ее наивысшей точкой – экзаменом, закладывает изначальную иерархизацию (демонстрируя кто есть кто в университете), расставляет первые ранги, распределяет действие по времени и детализирует его, а также обладает многими другими дисциплинирующими возможностями.

Большинство студенческих анекдотов строятся по образцу вербальной дуэли между преподавателем и студентом. Неважно, происходит это во время экзамена или лекции, как правило, такая форма представляет собой вопрос преподавателя и ответ на него студента. Даже несмотря на такое открытое противостояние, для большинства анекдотов сложно определить, кто выходит из него победителем. Дело в том, что в анекдотах часто студент на вопрос преподавателя дает

---

[21] Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. – М. : Ad Marginem, 1999.

неожиданный ответ, совсем не тот, который преподаватель подразумевал, задавая вопрос. Остается непонятным, делает ли он это нарочно, потому что не знает правильного ответа, хочет удивить преподавателя или действительно выражает свое мнение. Таким образом, студент в анекдоте противостоит схемам, рангам и градациям, его характер неоднозначен и неуловим, не вписывается в четкие классификации. Именно поэтому основным образом студенческого анекдота становится образ трикстера. Определяющей для него становится снова лиминальность: свойства лиминальности или лиминальных людей непременно двойственны, поскольку и сама лиминальность, и ее носители выскальзывают из сети классификаций. Отсюда и амбивалентность образа студента, особенно свойственная анекдотам об экзамене, когда остается непонятным, умен он или глуп. С лиминальностью связано, на мой взгляд, и то, что ни у студента, ни у преподавателя в анекдоте практически никогда нет имени, он просто «студент»: свойства коммунитас стирают границы между этими рангами, обезличивают их, лишая не только устойчивых статусов, но и имен.

Интересно, что если переходные ситуации описываются практически в каждой второй версии анекдота, лишь в каждой пятой (19% версий) повествуется о взаимоотношениях полов, имеется эротический подтекст, который, как оказывается, не свойственен студенческим анекдотам в целом, но появляется в специфической среде. Наличие гендерных стереотипов в анекдотах коррелирует с гендерным распределением в университетах в целом: больше всего анекдотов с эротическим подтекстом о студентах-медиках, а также математиках, то есть в тех средах, где гендерное распределение неравномерно. Таким образом, тогда как лиминальность становится определяющей почти для половины студенческих анекдотов, последние вполне «выживают» без гендерных стереотипов (за исключением анекдотов о традиционно мужских профессиях). Еще менее значимыми оказываются этнические стереотипы, что по-видимому связано со все возрастающей толерантностью студентов, однокурсники которых все чаще – выходцы из других стран, шутки о них все более неуместны (кроме того, набор национальностей, становящихся объектом шуток в студенческих анекдотах, практически идентичен набору национальностей в этнических анекдотах в принципе). С другой стороны, существуют стереотипы о студентах различных

специализаций и курсов (1,7% версий анекдотов), самые популярные из которых (о медиках, математиках, физиках и военных) – снова о специальностях, на которых гендерное распределение учащихся традиционно очень неравномерно, что может вызывать некоторое напряжение, выявляющееся в анекдотах. В *§ 3. 4. «Выводы к Главе 3»* еще раз подчеркивается, что именно ситуации лиминальности, и, в частности, экзамена – основного лиминального периода, а также главной дисциплинарной техники университета, становятся главными темами студенческого анекдота.

В **Заключении** подводятся итоги исследования. Основные выводы диссертации доказывают выдвинутую гипотезу: студенческий анекдот оказывается комплексным явлением, представленным текстами, которые группируются не по схожести темы («о студентах»), но согласно особенностям, детерминирующим окружающую его социальную среду, в частности, лиминальности и дисциплины. Это, в свою очередь, объясняет низкий процент интертекстуальных связей с другими текстами, не обусловленными такими особенностями. Можно предположить, что подобным образом (не по схожести темы, а по обусловленности прототекстами или средой функционирования) группируются и другие анекдотические циклы, что, однако, требует дальнейшего изучения и выходит за рамки целей данной диссертации.

Диссертация содержит также следующие приложения:

Приложение 1. «Указатель сюжетов и систематизированное собрание современных студенческих анекдотов» с систематизированными текстами анекдотов, а также *«Путеводителем по указателю»*.

Приложение 2. «Книжные анекдоты на студенческую тематику», содержащее тексты книжных анекдотов о студентах, найденные в сборниках книжных анекдотов и в мемуарной литературе.

Приложение 3. «Студенческий фольклор XIX – начала XX века», содержащее тексты студенческого фольклора (возможно, также фейклора), собранные из развлекательных журналов соответствующего периода.

Последние два приложения были составлены для сравнения с текстами современного студенческого фольклора, и, хотя параллелей практически не было

найдено, оба собрания могут пригодиться для исследователей соответствующих явлений.

Результаты диссертационного исследования представлены в следующих **публикациях**:

1. *The Ritual of Halyava («Freebie») Evocation in Contemporary Russian and Belarusian Studentlore* // III Міжнародная навукова-практычная канферэнцыя «Фальклор і сучасная культура», прысвечаная 90-годдзю заснавання Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, 2011. – С. 67 – 69.
2. *«Благодаря отверстиям в зонтике я сразу определяю, когда кончается дождь»: образ рассеянного профессора в современном студенческом анекдоте* // Сборник по итогам конференции «Фольклор XXI века: Герои нашего времени», Москва, 2012. – С. 299 – 315.
3. Ильченко А.С., Панченко А.А. *«Куда вы, шлюхи?»: герои современных анекдотов и миграция фольклорных сюжетов* // Антропологический форум 2012. – №16. – С. 333–348.
4. *«Почему все диктаторы с усами»: традиции анекдотов о диктаторах в современной Беларуси* // Фольклористика и антропология сегодня: тезисы и материалы международной школы-конференции. – М. : РГГУ, 2012. – С. 353–359.
5. *Contemporary Student Jokes: the Body of Texts and Their Genetic Relations* // Journal of Ethnology and Folkloristics. – 2012. – 6(2). – P. 97–117.
6. *Концепция собственности и современная фольклористика* // Антропологический форум 2012. №16. С.196–202.
7. *To What Extent Are Jokes Reactional?* // Folklore: Electronic Journal of Folklore. – 53. – 2013. P. 7–28.
8. *Про пятак под пяткой* // Фетиш и табу: антропология денег в России / ред. А. Архипова, Я. Фрухтман. – М., 2013. – С. 225 – 240.
9. *Concept of Property and Contemporary Folklore Studies* // Forum for Anthropology and Culture. 2013. №9. – С. 25 – 30.
10. *De-Abbreviations: from Soviet Union to Contemporary Belarus //* Names. 2013. 61(3). – P. 159–167.

11. *Современные белорусские политические и этнические анекдоты в контексте постсоциализма* // Материалы докладов LIII Региональной (IX Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых: Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект. 24–30 марта 2013 г., Владивосток. Владивосток : Издательский дом Дальневосточного федерального университета, 2013. – С. 281–283.
12. *«Вот народ, без батьки уже и картошку перебрать не могут»: белорусские политические и этнические анекдоты* // Антропологический форум. 2014. № 21. – С. 252–294.
13. *Why All Dictators Have Moustaches: Political Jokes in Contemporary Belarus* // HUMOR: International Journal of Humor Research. 2015. № 28(1). – P. 71–91.